

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 169 (9626)

Суббота, 15 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КСП.

Чехов и Горький

Сорок с лишним лет назад многие русские читатели противопоставляли Чехова и Горького. Критика того времени улавливала всего больше черты различия в творчестве Чехова и Горького. При этом Чехов казался старым писателем, а Горький — молодым. Но различие в возрасте между ними не так велико. Чехов родился в 1860 году, а Горький — в 1868 году. Люди они одного поколения, и если и не вполне сверстники, то вполне современники.

Конечно, есть глубокое различие в их творчестве, в их литературном стиле, в их писательской манере, но несравненно важнее единство их, теснейшее литературно-художественное и идейное родство. Оба они внесли в русскую литературу новое, служа тому новому, что рождалось в русской общественной жизни и что привело к победе революции. Болезнь обрвала преждевременно жизнь Чехова, обрвала на творческом полуслове. Нет, однако, никакого сомнения в том, что пути Чехова и Горького, начатые в разное время и в совершенно различных условиях, непрерывно сближались.

Объясняет Чехова и Горького прежде всего их враждебное отношение к старому общественному строю, к пошлости мешанского быта, к реакционности чиновников. Русскую публику поразили «бывшие люди» в первых рассказах Горького и в пьесе «На дне». Но чем по сути своей, по характеристике людей, по их обреченности, по их падению общество помещиков в «Иванове» отличается от горьковской ночлежки? Граф Шабельский — это тот же «барон». У бывшего председателя земской управы Лебедева, который спился и жлет «околеванца», единственный путь — на «дно». Да и сам Иванов избрал револьвер только для того, чтобы избежать другого обычного пути: спиться, упасть в полное ничтожество.

«Бывшие люди» — во многих произведениях Чехова. В «Трёх сёстрах» олицетворявший доктор Чебутыкин, сомневающийся в своем собственном существовании, воспроизводит иными словами монолог «барона», который точно так же не понимает, зачем он жил, и жил ли он в действительности или только переодевался.

Чехов по общему признанию — тихий, скромный, жалостливый писатель. Он и о своих бывших людях говорит мягко, с лаской. Но он их присуждает к смерти с решительностью и неутомимостью знающего врача. Треплев и Иванов стреляют в себя, а Ване не удается самоубийство чудесные три сестры вместе с Соней приговорены к пожизненному заключению в их быту. Ни в одной пьесе Чехова нет и не может быть «счастливого конца». Писатель Чехов подходил к современной ему интеллигенции, как врач. Он знал, что её болезнь неизлечима в той среде, в которой интеллигенция жила. Она была обречена. Это, по существу, революционная постановка вопроса, хотя Чехов не знал, когда и откуда придёт революция. И только к концу своей жизни, после знакомства с Горьким и под влиянием Горького поверил в близкий её приход.

Чехов очень хорошо знал старую русскую интеллигенцию — профессоров и студентов, чиновников, врачей, инженеров. Он видел сильные стороны этой интеллигенции, он сам был русским интеллигентом, он знал, как богата эта интеллигенция силами, верил в то, что она, владея всеми духовными богатствами русского народа, многое может дать и народу и человечеству. Но он видел, что стоит эта интеллигенция на распутье, дороги не знает, разменивает на мелочи свою незаурядную силу.

Что может спасти русскую интеллигенцию, на чем могут быть построены здоровые общественные отношения? На этот вопрос Чехов отвечал: труд и культура. Его герои не только романтически мечтают о

труде. Врач Астров неустанно трудится над переустройством своего уезда, и это, конечно, образ символический. Всю свою родину Чехов представлял себе в будущем, как цветущий сад, как царство свободного и творческого труда, как торжество культуры. Чехов верил вместе со своими героями, что так будет. Источник этой веры был для Чехова в самом русском народе, — и возникла эта вера ещё в детские годы писателя, — вот тогда, когда он совершал свое путешествие по Донецкой степи, встречал множество людей и находил в них замечательные, интересные черты.

Горький мечтал о том же. Но он пришёл из среды, которая Чехову была не знакома и в которой так раз нарождалось новое, сильное, могучее. Чехов очень смутно предчувствовал приход революции. А Горький знал, что она идёт, и сам пришёл её предвестником.

Влияние Чехова на Горького известно. Горький сам об этом говорил. Он учился у Чехова мастерству литературного слова и впоследствии писал, что русский литературный язык создавался Пушкиным, Тургеневым и Чеховым. Горький был влюблён в Чехова не только как в писателя, но и как в замечательного русского человека. В Чехове Горький особенно ценил его любовь к культуре, к стремлению сделать жизнь более красивой, более благородной и умной.

Велико было и влияние Горького на Чехова. Их знакомство очень скоро перешло в хорошую дружбу. Чехов высоко ценил Горького, как нового и очень сильного человека в литературе и в жизни. То новое, что Чехов предчувствовал, начинало теперь принимать осязательную форму. С большим интересом Чехов присматривался к фигуре Нила в «Мешанах». Этот рабочий-революционер, пленяющий своей силой, своей уверенностью, своей моральной красотой, привлекал к себе Чехова. Такого Нила Чехов видел в Горьком и понимал, что это уже не единичное какое-то явление, а новая могучая коллективная сила в русском народе. Новая нота стала звучать в последних произведениях Чехова, особенно в «Невесте». Эту ноту отметила критика.

Мы представляем себе теперь Чехова непременно в тесном содружестве с Горьким. Оба они — любимые писатели русского и всего советского народа. Оба они — великие правдоискатели, правдолюбцы. Оба горячо любили свой народ, верили в его большую силу и знали, что, когда культура станет прочной собственностью всего народа, — жизнь будет прекрасной. Оба в своих произведениях бичевали паразитизм, распухлость, пошлость, лень, словоблудие. У них одна и та же тематика, и, к примеру, вырождение купечества показано в «Трёх годах» Чехова не менее сильно, чем в «Деле Артамоновых» Горького. В своей культурной пропаганде Горький прямо продолжал Чехова, словно выполняя завет своего великого друга.

Главная сила творчества Чехова — в правде, в неутомимой правде. Он любил русского человека и поэтому говорил ему и о нём только правду. Это и роднит его с нашим временем, с нашей литературой. Этим сохраняется свежесть и молодость его произведений. Литературно-моральный облик Чехова обаятелен. В своих рассказах и пьесах, в самом стиле своего слова, в своей личной жизни он выразил простоту, скромность, талантливость и обаяние своего народа. В Чехова именно по этой причине были влюблены Толстой и Горький. По этой причине его любит наш народ.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.